

Оценку элементов воспитательного воздействия на осужденных целесообразно начать с анализа воспитательной работы с осужденными. В уголовно-исполнительном законодательстве России закреплено, что воспитательная работа с осужденными направлена на их исправление, формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, на повышение их образовательного и культурного уровня. При этом определения воспитательной работы с осужденными в законе не содержится, что нельзя считать положительно в виду отсутствия основного содержания данного средства исправления осужденных, субъектов его реализующих и принципов организации. В то же время понятие воспитательной работы с осужденными содержится в ст. 104 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (УИК Республики Беларусь), где она определена как планомерная, основанная на педагогических принципах, методах и формах деятельность работников исправительных учреждений, представителей государственных и общественных организаций, направленная на формирование и укрепление у осужденных стремления к занятию общественно полезной деятельностью, добросовестного отношения к труду, соблюдению требований законодательства и принятых в обществе правил поведения, на повышение их образовательного и культурного уровня.

Кроме закрепления понятия воспитательной работы с осужденными законодательные подходы к данному процессу в кодексах двух стран все-таки отличаются. Направления воспитательной работы в России – правовое, трудовое, нравственное, физическое и иное воспитание, в Беларуси – правовое, нравственное, трудовое, культурно-просветительное, санитарно-гигиеническое и иное воспитание осужденных. В законодательстве двух стран предусмотрено, что участие осужденных в проводимых воспитательных мероприятиях учитывается при определении степени их исправления, а также при применении к ним мер поощрения и взыскания. При этом только в Беларуси законодательно закреплены критерии и степень оценки исправления осужденных. В частности, закреплено, что степень исправления осужденного к лишению свободы определяется администрацией исправительного учреждения на основе всестороннего изучения его личности и оценки поведения в период отбывания наказания. При определении степени исправления осужденного учитывается его готовность вести правопослушный образ жизни в условиях свободы. Ставшим на путь исправления может быть признан осужденный, если он принял письменное обязательство о правопослушном поведении и реально стремится к исправлению, не имеет взысканий, добросовестно относится к труду и выполнению работ по коллективному самообслуживанию, уборке и благоустройству исправительных учреждений и прилегающих к ним территорий. Твердо ставшим на путь исправления может быть признан осужденный, если в течение шести месяцев, а если этот срок превышает одну четверть срока наказания, то в течение одной четверти срока наказания его поведение соответствует установленным требованиям и при этом он проявляет полезную инициативу при участии в работе самодеятельных организаций и иной общественно полезной деятельности. Доказавшим свое исправление может быть признан осужденный, если его поведение соответствует установленным требованиям и в течение не менее одной четверти срока назначенного ему наказания. В отношении осужденного, который признавался злостно нарушающим установленный порядок отбывания наказания, срок соответствия поведения установленным условиям исчисляется со дня вынесения постановления о прекращении признания осужденного злостно нарушающим установленный порядок отбывания наказания.

Данные положения уголовно-исполнительного законодательства Республики Беларусь заслуживают внимания, так как на законодательном уровне формируют механизм оценки эффективности средств исправления осужденных. На наш взгляд, необходима оценка возможности использования данного механизма в сфере исполнения наказаний в России.

Оценивая содержание других элементов воспитательного воздействия на осужденных, стоит отметить, что в уголовно-исполнительном законодательстве Беларуси их количество и содержание шире, чем в России.

Так, ст. 105 УИК Республики Беларусь предусмотрено, что для оказания помощи администрации исправительных учреждений в организации исправительного процесса и других направлений могут создаваться попечительские советы. Кроме этого, для участия в исправлении осужденных к лишению свободы, разрешается деятельность общественных воспитателей осужденных (ст. 106 УИК Республики Беларусь). Стоит отметить и включение психологической помощи в содержание воспитательного воздействия (ст. 107 УИК Республики Беларусь). Данные элементы также могли найти свое место в уголовно-исполнительном законодательстве России.

Самодеятельные организации осужденных в Российской Федерации были упразднены в 2010 г. В Беларуси функционирование данных образований осужденных продолжается.

В отношении лиц, применяющих меры поощрения и взыскания к осужденным, также имеются свои особенности. Так, в УИК Республики Беларусь закреплено, что к таким должностным лицам отнесены начальник ИУ, а также вышестоящие должностные лица. Кроме того, данными правами обладают заместители начальника ИУ, начальники отделов (отделений) воспитательной работы с осужденными и начальники отрядов. На наш взгляд, возможно использование подхода, закрепленного в УИК Республики Беларусь по включению указанных лиц в круг субъектов, уполномоченных применять меры поощрения и взыскания к осужденным, в России.

Таким образом, сравнительный анализ законодательного закрепления воспитательного воздействия на осужденных к лишению свободы в России и Беларуси демонстрирует определенные отличия. Основным моментом, характеризующим данные отличия, является факт большего количества элементов, образующих содержание воспитательного воздействия в Беларуси. Данный вывод обуславливает необходимость проведения соответствующей работы в России по оценке существующих элементов воспитательно-воспитательного воздействия на осужденных и разработке новых подходов к его содержанию.

УДК 343.542.1

Н.И. Ретнёва

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕТСКУЮ ПОРНОГРАФИЮ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Детская порнография – реальность нашего времени. Организация Объединенных Наций назвала проблему защиты несовершеннолетних от сексуальной эксплуатации одной из значимых проблем современности, на решение которой должны быть направлены усилия всего международного сообщества в целом и каждого государства в отдельности. Детская порнография стала самым быстроразвивающимся и очень прибыльным бизнесом для транснациональной организованной преступности, чей годовой оборот по данным Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) составляет от 2,2 до 3,3 млрд евро.

В Республике Беларусь в соответствии с Законом Республики Беларусь от 12 января 2012 г. «О противодействии торговле людьми» детская порнография признана преступлением, связанным с торговлей людьми. Действительно, последствия сексуально-го насилия над ребенком очень опасны. Многочисленные исследования в области детской психиатрии и психологии свидетельствуют о том, что психологические травмы, полученные в детстве, оказывают сильное влияние на всю последующую жизнь человека, формирование его характера, физическое и психическое здоровье. Дети, снимающиеся в порнофильмах, начинают воспринимать себя как товар, который можно продать, а подвергавшиеся сексуальной эксплуатации впоследствии сами становятся насильниками и совершают аналогичные преступления.

Действующий Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. (УК Республики Беларусь) в первоначальной редакции содержал лишь общий состав преступления, предусматривающий ответственность за распространение порнографических материалов или предметов (ст. 343). Однако явным недостатком такой конструкции состава преступления являлось то, что в нем не была установлена повышенная ответственность за совершение подобных действий в отношении заведомо несовершеннолетних. Вместе с тем Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, принятый в 2000 г. (Республика Беларусь присоединилась к нему в декабре 2001 г.), содержал особый запрет на торговлю детьми, детскую проституцию и детскую порнографию. В ст. 3 Протокола предусматривалась обязанность государств охватить соответствующую деятельность криминальным или уголовным правом, осуществив криминализацию необходимых деяний.

Так, в Республике Беларусь законодателем в 2005 г. было принято решение внести коррективы в ст. 343 УК: действиям, связанным с изготовлением и распространением порнографической продукции с изображением несовершеннолетнего был придан статус квалифицирующего признака состава преступления. Однако такая конструкция статьи вызвала критику со стороны ученых и практиков. Внесенные в Уголовный кодекс изменения хотя и ужесточили ответственность за совершение преступлений в отношении лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, однако не решили в полной мере задачи обеспечения государством надлежащей защиты детей от преступлений сексуального характера. Обеспокоенность правоохранительных органов увеличением числа преступлений, направленных против детей, и несоразмерным степени общественной опасности наказанием привели к тому, что ст. 343 вновь оказалась в центре внимания правотворческого процесса. Законом Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам противодействия нелегальной миграции, распространению рабского труда, детской порнографии и проституции» 10 ноября 2008 г. содержание уголовно-правовой нормы было скорректировано. Ответственность за изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего была усилена посредством выделения таких действий в отдельную статью. Одновременно этим же Законом было декриминализовано вовлечение несовершеннолетнего в изготовление материалов или предметов порнографического содержания, признанное в ст. 173 УК Республики Беларусь, разновидностью антиобщественного поведения. Решение законодателя вряд ли следует признать взвешенным и продуманным. С одной стороны, ужесточена ответственность за детскую порнографию, а с другой – устранена преступность действий лиц, направленных на возбуждение у несовершеннолетнего желания участвовать в изготовлении материалов или предметов порнографического характера. Еще более нелогичным такое решение кажется, если учесть, что вовлечение лица, не достигшего восемнадцатилетнего возраста, в проституцию закреплено в качестве квалифицирующего признака состава преступления, предусмотренного ст. 171¹ УК, с максимальным наказанием в виде лишения свободы на срок до пяти лет. Этот вопрос не потерял актуальности в настоящее время, когда в Республике Беларусь предпринимаются попытки установить уголовную ответственность за «группинг», т. е. вхождение взрослого в доверие к ребенку во время общения в Интернете с целью его сексуальной эксплуатации.

Выделив из общего состава специальный состав изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего, законодатель предусмотрел в статье и ряд квалифицирующих признаков. В частности, совершение деяния группой лиц по предварительному сговору организованной группой признаны обстоятельствами, повышающими степень общественной опасности совершенного преступления. Однако если в ст. 343¹ УК Республики Беларусь эти признаки расположены в различных частях уголовно-правовой нормы, то в ст. 343 законодатель объединил их в одной части. Совершенно очевидно, что степень общественной опасности преступления, совершенного организованной группой, значительно выше степени общественной опасности того же преступления, но совершенного группой лиц по предварительному сговору. В литературе неоднократно высказывалось мнение о том, что квалифицирующий признак должен влиять на типовое наказание примерно в одинаковой степени по отношению ко всем видам преступлений. Игнорирование этого положения, по мнению В.В. Марчука, приводит к резкому рассогласованию системы санкций за квалифицированные виды преступлений.

Дискуссионный характер имеет позиция законодателя, определившего различный возраст субъектов посягательств в рамках одинаковых преступлений против несовершеннолетних. Так, в ст. 343 УК законодатель установил повышенный, 18-летний возрастной порог для лиц, способных нести уголовную ответственность за распространение, рекламирование, трансляцию или демонстрацию порнографических материалов или предметов порнографического характера заведомо несовершеннолетнему, полагая, что осознавать опасность совершения указанных действий может только взрослое лицо. Существующая редакция рассматриваемой нормы порождает противоречивую ситуацию, при которой уголовный закон за распространение «обычного порно» несовершеннолетнему позволяет привлекать к ответственности лиц лишь в 18 лет, в то время как совершение аналогичных действий с участием несовершеннолетних карается уже с 16 лет.

Следствием несовершенства законодательной техники следует признать конструкцию ч. 2 и 3 ст. 343¹ УК, в которых наряду с квалифицирующими признаками установлена ответственность за действия, образующие признаки самостоятельного общественно опасного деяния. Речь идет об использовании заведомо несовершеннолетнего (ч. 2) и малолетнего (ч. 3) для изготовления порнографических материалов, печатных изданий, кино-, видеофильмов или сцен порнографического содержания, иных предметов порнографического характера с их изображением. По мнению Д.Л. Гулякевича, такое деяние целесообразно рассматривать в качестве альтернативного деяния, образующего объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 343¹ УК Республики Беларусь.

В этом плане представляет интерес позиция российского законодателя, который признал использование несовершеннолетнего для изготовления порнографических материалов или предметов наиболее опасной разновидностью детской порнографии и выделил это преступления в самостоятельную статью, установив максимальное наказание за это преступление в виде лишения свободы на срок до пятнадцати лет.